

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

ЦЕНА НОМЕРА - 60 КОП.

КРОКОДИЛ

№ 6 ФЕВРАЛЬ МОСКВА 1938 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

К 556/38г.

МЕЧ НАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

Курс географии

— ...Нет, это вы неверно говорите: «Ермак» встретился с «Таймыром» на $70^{\circ} 07'$ северной широты, $17^{\circ} 05'$ западной долготы. Вот где они встретились.

— Пожалуй... вы правы... а «Мурман» — тот в это время был южнее.

— И опять неверно: «Мурманец», а не «Мурман». «Мурманец» действительно был южнее. А «Мурман» — тот шел в кильватере «Таймыра». Вместе, значит.

— Да, да! Спутал я. Да. А, правда, говорят, что Папанин был начальником зимовки на бухте Тикси?

— Не на Тикси, а на Тихой. Это 80° северной широты и 57° восточной долготы.

— Вот как!.. Интересно. Это, значит, там, где «Челюскин» затонул.

— Нет, «Челюскин» затонул совсем в другом месте.

— Совершенно верно... «Челюскин», конечно, затонул у мыса Челюскина.

— И опять не так. Мыс Челюскина — это 78° северной широты, 104° восточной долготы. И назван он в честь казачьего офицера Челюскина, который в 1742 году возглавлял экспедицию.

— Скажите!..

— Да. А корабль «Челюскин», названный тоже в честь этого же исследователя, затонул примерно в таких координатах: $68^{\circ} 16'$ северной широты, $172^{\circ} 51'$ восточной долготы. Неподдалеку от этого места находится мыс Северный, ныне переименованный в мыс Шмидта...

— Вот как, значит!.. А, простите за нескромный вопрос: от куда вы сами все это знаете? Вы, я извиняюсь, ученый?

— Какой же я ученый?!

— Географ, наверное. Худо-бедно — физик.

— Сами вы физик. А я, если хотите знать, сам — продавец продовольственного магазина и географию, когда в школе учил, страсть как ненавидел. Три учебника разорвал. В мелкие дребезги. Каждая дребезга — вот такая, не больше...

— Ага. Ну, значит, вы уроженец Арктики. Где вы родились: в Мурманске, на Чукотке, в Петропавловске на Камчатке?

— Ничего подобного. Родился я в Ельце. Это — 52° северной широты и 38° восточной долготы, — это если по Гринвичскому меридиану.

— Что вы говорите?!

— А как же. А воспитывался я у тетки, в Пензе. Широта — 53° , угол 45° восточной долготы. То есть угол Малой Дворянской улицы и Навозной. Теперь, конечно, улицы переименованы.

— Откуда ж вы все так хорошо знаете?..

— Исключительно из газет. Заинтересовало меня освоение Арктики. Я теперь, если хотите знать, не только нашу Арктику — советскую — знаю. Я кое-что и в американской Арктике маракую.

— Вот как?!

— А как же. Чкалов летал или нет? Громов летал? Какова их трасса? Вылет: Москва, то есть $55^{\circ} 45'$ северной широты, $37^{\circ} 34'$ восточной долготы. Затем Кольский полуостров — 68° северной широты, 35° восточной долготы, Земля Франца-Иосифа — 80° северной широты, 50° восточной долготы, полюс — то есть $90^{\circ} 00'$ северной широты, 0° восточной долготы, а потом уже Америка: Баракс — это близ Портланда. Это Чкалов. А Громов...

— Удивительно! Как вы все не забудете?!

— Невозможно забыть. Только начнешь забывать, — сейчас новые события в Арктике начинаются. Возьмем «Сибирякова»: в 1932 году прошел в одно лето из Мурманска во Владивосток. В 1933 году «Челюскин» прошел из Ленинграда в Мурманск. Потом — 1934 год: гибель «Челюскина». 1936 год: перелет Чкалова по материку. 1936 год: перелет Молокова. Перелет Фариха. 1937 год: экспедиция на Северный полюс и перелеты Чкалова и Громова. 1938 год: конец папанинского дрейфа... Так оно и идет, так и идет...

— Да, если вдуматься, пожалуй, вы правы... Прямо курс географии получается.

— Географии и истории сразу!..

Е. АРДОВ

Подслушанные разговоры

I

— Гражданин, останьтесь. Сойдите с подножки!

— Товарищ кондукторша, миленькая, мне очень нужно.

— Всем очень нужно, гражданин. Останьтесь! Кому говорят? Машина и так перегружена!

— Товарищ кондукторша, миленькая, да вы на меня посмотрите, во мне и веса-то почти нет. Вы прикиньте мысленно на весах, — у другого шуба весит больше чем я.

— У меня, гражданин, времени нет каждого пассажира на веса класть. Останьтесь, вам говорят, останьтесь!

— Я же домой с газетой спешу, товарищ кондуктор, миленькая. Ведь папанинцев же сняли. Меня же дома двенадцать человек ждут с новостями. Они же зубами от нетерпения щелкают. Будьте чуткой, товарищ кондукторша.

— Значит, скоро их в Москву привезут?

— Скоро, скоро... Вот спасибо... Извините, гражданин, я вам, кажется, уху прищемил?

— Граждане, а вы куда? Останьтесь! Вот что вы наделали, гражданин. Теперь вся очередь полезла за вами.

— Мы тоже с газетами, товарищ кондукторша. Нас тоже дома ждут.

— Не могу, граждане. Сочувствую всей душой, но не могу. Очень перегружена машина. Поехали, вожатый!.. Граждане, а вы, чем так без дела стоять, побежали бы к автомату, позвонили бы домой насчет новостей, чтоб людей зря не томить... Вы куда, гражданин? Соскакивайте! Нельзя висеть на подножке!

— Мне только двугривенный разменять. По гривеннику. Для автомата, как вы сами сказали.

— Натё вам два гривенника. На следующей остановке сойдете, там как раз аптека на углу с автоматом.

— А мне акурат дальше и не нужно ехать. Я как раз там и живу.

II

— Шура Полодов, иди к карте. Покажи нам Северное море, Шура. Так. Ну, расскажи, что ты знаешь про Северное море? Какие страны оно омывает?

— Прежде чем говорить о Северном

море, я должен сказать два слова о Гренландском. Гренландское море омывает берега Гренландии, Исландии, Шпицбергена. А еще оно омывает папанинскую льдину, с которой 19 февраля в 17 часов 30 минут ледоколы «Таймыр» и «Мурман»...

— Обожди, Шура. Я же тебя спрашиваю про Северное море. Скажи нам, каковы его размеры?

— Размеры каковы?.. Сначала размеры были триста метров длины и двести метров ширины, а потом, когда начало крошиться, стало пятьдесят метров длины и тридцать метров ширины.

— Опомнись, Шура Полодов. Ты о чем говоришь?

— О льдине папанинской, Филипп Петрович.

— А я тебя спрашиваю размеры Северного моря.

— Филипп Петрович, я вас очень прошу... И весь класс вас просит, спрашивайте нас сегодня только про Гренландское море. И про льдину папанинскую. Про другое мы сегодня не можем отвечать.

Л. ЛЕНЧ

Рис. Л. Бродаты

БЕСПОКОЙНЫЙ СОСЕД

ГИТЛЕР: —Вот мы с вами, дуче, наконец, и соседи.

МУССОЛИНИ: —Ну, что же, ничего не поделаешь. Очень рад.

Возвышение Фимочкина

В доруководящий период его называли Васей или даже Васенькой. Наружность его располагала к уменьшительным именам: небольшой, белобрысый ларенок, с круглыми, как бы вечно удивленными глазами, еле заметными белыми кустиками бровей и ярким девичьим румянцем, он, казалось, был создан для ласкательных наименований. Это был славный юноша, в меру скромный, в должной степени решительный и не лишенный талантов. По профессии он был токарем.

Именно к этому времени и относится начало его пылкой любви к Нине. Неизвестно, при каких обстоятельствах произошло знакомство, но симптомы пагубного чувства скоро стали настолько явными, что преследуемый шутливыми намеками, Вася приобрел постоянную красно-бурую окраску.

Охладев к надоевшим маршрутам, он стал ходить домой несколько кружным путем, по шумным и светлым улицам. Именно улицы привлекали его, а то, что путь этот совпадал с обычной дорогой Нины, было лишь непонятым совпадением. В заводской столовой довольно тесновато и, конечно, смешно искать отдельный столик. Если Вася и оказывался несколько раз за одним столом с Ниной, то отвечать за это должен не кто иной, как заведующий столовой. А если вам, например, дают два билета в театр, должен же кто-нибудь пойти с вами?

Тем не менее, Вася любил. И, как все влюбленные, он подсчитывал улыбки, в одиночестве занимался кропотливым толкованием мимолетных рукопожатий и неуверенно мечтал о героических подвигах. Как хотел он попасть на гребень событий, чтобы оттуда, с высоты, величаво поманить Нину и сказать ей не краснея!..

Впрочем, что именно надо сказать, Вася еще не представлял себе. Советоваться по этому поводу было как-то неудобно. Да и с кем? Не с Иваном же Игнатьевичем. Вот было бы занятно: прийти, как всегда, в партком и вместо обычных советов потребовать от секретаря конкретных указаний по таким вопросам: «Что сказать девушке если она тебе снится?», «Как сделать, чтобы она тебя полюбила?», «Как ее поцеловать, чтобы она не обиделась?»

Нет, партком был явно некомпетентен. А чем мог помочь другой васин советчик, мастер Семен Егорович, который в последний раз любил лет тридцать назад? Спросить у отца — скажет: «Спроси у матери». Спросить у матери, скажет: «Спроси у отца».

Впервые Васе не с кем было посоветоваться по важному вопросу.

Однажды, после длительных и горячих обсуждений, комсомольцы цеха пришли к выводу, что ушедшего в институт комсомольского секретаря лучше сможет заменить именно товарищ Фимочкин. Общие симпатии, проявившиеся на этом собрании, заставили Васю зардеться.

Так Вася оказался на гребне событий. Он очень скоро вошел в курс дела и приобрел необходимые, соответствующие положению качества. Вначале, правда, у него, как у подростка, ломался голос. Должный руководящий тембр не сразу пришел к товарищу Фимочкину. На первых порах он называл своих старых друзей по именам, а Нине в лирическом порыве даже сказал однажды:

— Милая Ниночка...

Примерно через декаду, заметив несоответствие подобного тона своему положению, Фимочкин резко перешел на фамилии. Впрочем, и здесь он сначала забывал добавлять: «товарищ». Кроме того он не сразу пресек попытки называть его, Василия Фимочкина, Васей.

А любовь развивалась своим чередом. Товарищ Фимочкин теперь уже не был тем Васей, он даже вообще не был Васей. Ему казалось, что приближается момент, когда он, не краснея, поманит Нину и скажет ей:

— Ну, ты видишь теперь?

И она ответит:

— Вижу...

И часто Фимочкин, как все влюбленные, перебирал в памяти свои дела, слова и поступки, и краска удовлетворения окрашивала его щеки. Он вспоминал свои руководящие замечания, когда собирались на каток. Когда веселый и запыхавшийся Петька вбежал к нему в кабинет и, швырнув на стол, коньки, крикнул:

— Одевайся, Вася! Быстро! Пошли на каток!

— Товарищ Крохин, — сказал Фимочкин, и такой приятный снисходительно-начальнический полутон заиграл в его голосе. — Вы хотите сказать, что наметили вылазку. Это хорошая инициатива. Но... — он сделал ударение на «но», — не кажется ли вам, что надо было охватить всю молодежь цеха?

— Вась... Товарищ секретарь, я индивидуально... Я хотел...

— Тренировка к заводской спартакиаде? Ну, что ж, идите. А я тут задержусь.

Или разговор с Ниной. Нет, право, он был очень выразителен.

— Вася, — сказала она, — ты не получал билетов в театр?

— Я, товарищ Рубцова, поручил вам организовать коллективные просмотры.

— Нет, я не про это... Я насчет билетов нам...

— Нам — молодежи цеха. Ну, так я же говорю... Что вы машете рукой, товарищ Рубцова, что вы машете рукой на союзное задание?

А какую речь он произнес на последнем собрании, когда отчитывался в массовой работе:

— Перехожу к вопросам культурной борьбы. Культурно боремся мы в целом неплохо. Что мы имеем на сегодняшний день? На сегодняшний день мы имеем прошлогоднюю постановку «Ромео и Джульетты» силами заводского драмколлектива. Но, товарищи, пока еще не все мы достаточно культурно боремся. Необходимо провести перераспределение недораспределения заданий на этом важнейшем участке...

А его индивидуальные беседы!

— Ты, товарищ Крохин, недопонимаешь значения современного внесения членских взносов, — говорил он Петьке, и тот отворачивался, краснея от стыда.

— Я вынужден поставить о тебе вопрос, — сурово предостерегал он слесаря Орлова, невыполнившего план. — Остро поставить. В смысле исключения.

— Вы проявили недопустимое притупление бдительности, пойдя в кино с посторонним братом мужа вашей сестры, — грозно сдвинув кустики бровей, говорил он нининой подружке — Вере Смирновой.

А как непреклонно отметал он все и всяческие попытки некоторых зарвавшихся товарищей спорить со своим авторитетным руководителем!

— Кому вы советуете? — тихо удивлялся он и затем премел: — Мне?! Фимочкину? Да вы знаете, что Фимочкин вам будет советовать, а не вы ему. Имейте в виду, что Фимочкин знает, с кем советоваться!

А в разгаре теоретических споров как хорошо звучали направляющие реплики!

— Вы кому возражаете? Мне? Фимочкину? Да вы знаете, что Фимочкин вам будет возражать, а не вы ему. Имейте в виду, что вы скатываетесь, товарищ, это я вам говорю. Вы меня выбирали? Выбирали. Голосовали? Голосовали. А теперь что вы делаете? Нет. Фимочкина вам не переспорить. Да, он почти не читает сам, времени, товарищи, не хватает. Но зато он проверяет весь актив. И если я говорю: «не так», — значит это действительно не так.

О, теперь он был на высоте. Пора, конечно, пора уже объясниться с Ниной. И однажды вечером он опять пошел домой кружным путем, о котором забыл за последние декады, заполненные кипучей секретарской деятельностью. Догнав быстро идущую Нину, он раскраснелся, как прежде, и даже почувствовал нечто вроде прежней робости. Его круглые глаза горели. Честное слово, он был Васей, даже почти Васенькой. Догнав Нину, он пошел с ней рядом и уже открыл рот, чтобы сказать что-то очень теплое, ласковое и проникновенное. Но голос уже переломился накрепко. Вечернюю тишину потревожил стальной, руководящий тембр:

— Я хотел бы, товарищ Рубцова, отметить, что на сегодняшний день...

Нина быстро обернулась и перебила его:

— Можете не проверять. Я достала билеты. Завтра цех, весь цех, — подчеркнула она, — пойдет в театр.

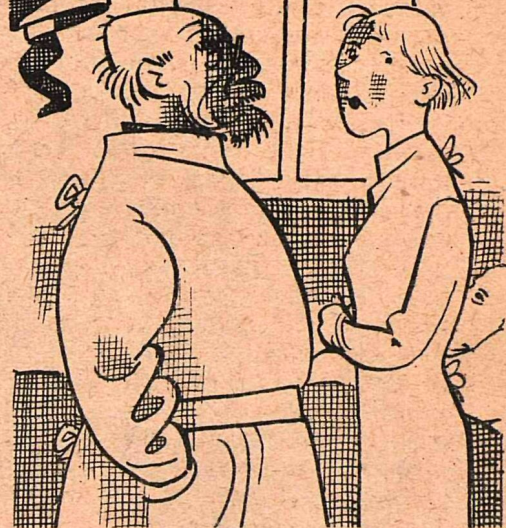
И она резко свернула в переулок. Фимочкин остался один. На гребне событий.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

ДРУЖБА

*Горестная история
некоего хитроумного кавалера
славного студизуса
Первого московского медицинского институ-
та,
об удивительных превратностях судьбы,
неверности женского сердца
и опасностях ложного жизненного пути,
написанная им самим в минуту лукавого
раздумья
в смутной надежде
предстать перед наивным читателем
человеком долга и порядочности.
Печатается по подлиннику
в кратких извлечениях,
с возможным соблюдением красот сти-
ля автора
и с добавлением особого мнения (мора-
литэ!) редакции.*

Глава первая

Ане, как и мне, двадцать второй годок. Мы с ней не только студенты одного курса, но и товарищи.

Глава вторая

Однажды Аня сунула мне записку и, зардевшись, прошептала:
— Прочти дома.

Глава третья

После обеда, растянувшись на койке в общежитии, я дрожащими руками развернул записку. В ней был изображен сфинкс, а под ним значились следующие иероглифы:

«Дорогой Павачка! Приходи вечером. Будим вдвоем готовить зачет. Приходи обизательно!!!»

Глава четвертая

Через час мы сидели у окна. Я читал вслух учебник фармакологии. Аня мечтала. Вдруг она вскочила, достала портрет какого-то юнца и, зардевшись, сказала:

— Это мой школьный товарищ. Посмотри: глаза как угли. Благодаря ему я окончила среднюю школу на «отлично». Он меня всегда выручал.

Я вспомнил орфографию ее записки и удивился мужеству и изворотливости юноши.

Глава пятая

Заниматься в тот вечер не удалось. Махнули в кино. На прощанье я жал ей руки и позволил себе кое-какие вольности, но не сие суть важно. Я понял свою роль на предстоящем зачете по фармакологии, я поддался соблазну...

Глава шестая

На зачете по фармакологии...

— Что такое кофеин? — спросил профессор.

Аня, зардевшись, молчала. Я поднес руку к левой части груди.

— Кофеин — сердечное, — воскликнула с энтузиазмом Аня.

— Что же кофеин делает с сердцем? — приставал к ней профессор.

Аня рдела. Я тогда беспокойно заерзал на стуле. Понятливая Аня выпалила:

— Кофеин возбуждает.

— Напишите рецепт, — не унимался профессор.

Подавляя голос заговорившей совести, я написал то, что требовалось, и подсунил Ане.

...Когда мы вышли в коридор, Аня чмокнула меня в губы.

— Получила «отлично»! Какой ты милый!..

Глава седьмая

В университетской клинике. У постели больного. Профессор спрашивает:

— Как попали камни в желчный пузырь?

Я показываю на рот.

— А так, — не растерялась Аня, — больной глотает ка...

— Абсурд! — вспылил ученый. — Что же, по-вашему, он булыжники грызет? Что находится в правом подреберье?

Аня зарделась и энергично ткнула меня локтем в живот.

— Печь... печь... — шепчу я.

— Да, да, печонка.

— Не печонка, а печень. А в левом подреберье что?

От нового толчка я еле устоял на но-

гах. Мне было стыдно, но я выручал товарища:

— Се-ле-з...

— В левом? В левом — селезень, — сказала Аня.

Профессор схватился за голову. В палате — хохот. Смеялись больные. Смеялись санитары. Смеялись няни. Ну и врач! Рыбой бы ей торговать!..

Глава восьмая

Молча вышли мы на улицу.

Глава девятая

— Я с тобой больше не вожусь, — презрительно процедила, зардевшись, Аня, — не умеешь подсказывать...

Глава десятая

Я долго стоял в раздумье. Как же восстановить дружбу? Жаль какая! Я ли не старался? Я ли не товарищ?

Моралитэ

Получив столь трогательную исповедь впавшего в меланхолию кавалера, мы с дрожью в голосе читали ее за чаем в мирном семейном кругу. Читали и гадали: кто же менее симпатичен: Ромео или Джульетта из этой почти шекспировской трагедии? Тут вылез из-под стола гражданин Вася — он строил из кубиков дом, — и сказала кроха:

— Пусть на тетю глупостей не выдумывает. Сам же подсказывает и сам же в товарищи лезет. Неважный дядя. У нас в первом классе таких ух как не любят. Еще студент! Что с ним будет, когда он вырастет? «Вырастет из сына свин, если сын свинок» (прцитировал он Маяковского). Не хотел бы я со свином дело иметь...

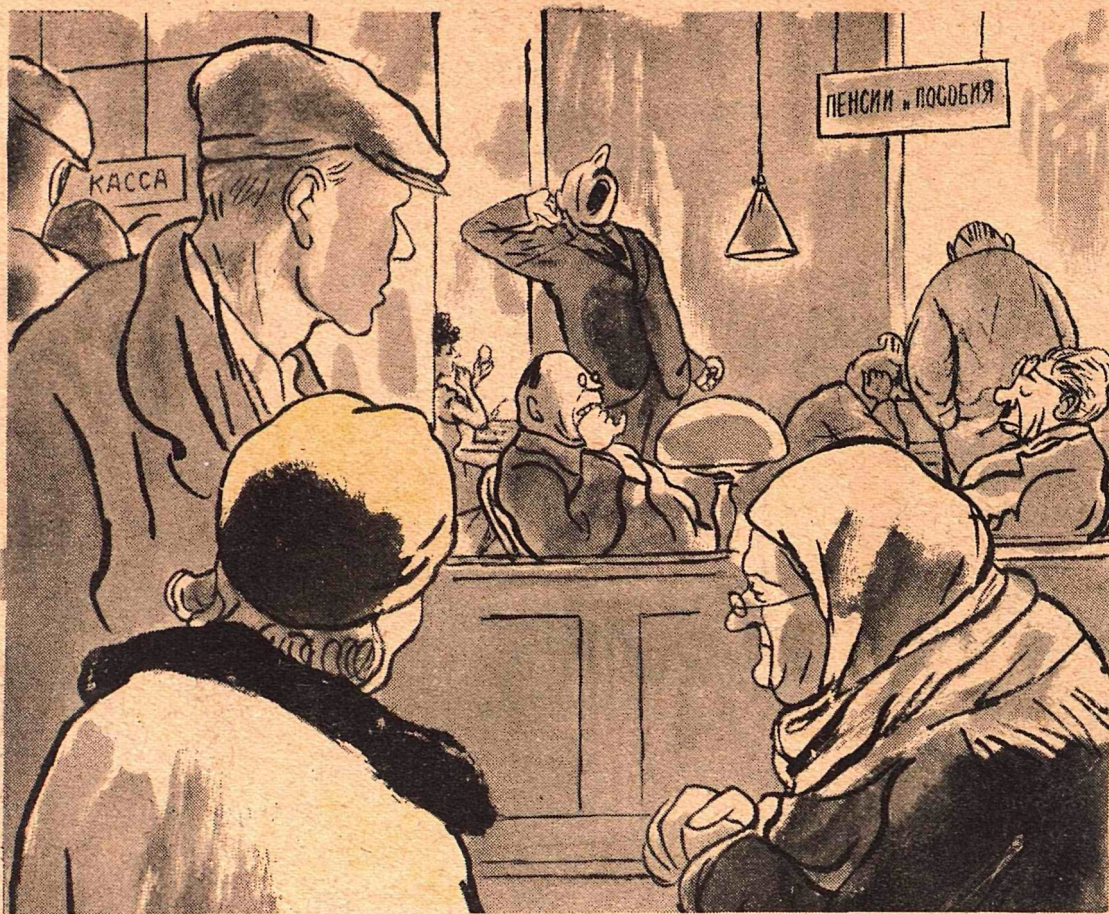

Рис. Л. Генча

В СОБЕЗЕ

— У меня, милый, временная потеря трудоспособности, а вот у здешних работников, повидимому,—постоянная.

С В Я З Ь С Б Р А Т О М

Неожиданно Петушков попросил слово. Он сказал:

— Я, товарищи, хотя и волнуюсь, но скажу. Вот тут среди нас сидит некий Комцов, которого мы все знаем как Петра Сидоровича. Я требую, пусть он сейчас же скажет о своем брате! Да, да! Пусть он доложит нам, что сейчас делает презренный Иван Сидорович Комцов — его братец, который, как мне доподлинно известно, у него есть...

Через два—три дня Петра Сидоровича вызвали в партком. Разговор шел такой:

— Вот, Комцов, дело какое — брат у тебя есть?

— Есть. В районе работает.

— Так. А что ты о нем можешь сообщить?

— О нем? Ничего. Знаете ли, хотя мы и братья, но видимся не часто, так что, может, я не в курсе...

— Это, Комцов, не разговор. Ты не замазывай. Не выйдет это дело, Комцов, не выйдет... Так и запишем... Ступай, товарищ Комцов...

Послали запрос в район.

В районе получили телеграмму: «Связи делом брата сообщите партийность Комцова» — и всполошились. Собрали экстренное заседание, вызвали Ивана Сидоровича Комцова:

— Брат у тебя есть?

— Есть.

— Так. А почему ты до сих пор это замалчивал?

Ивана Сидоровича даже в пот ударило:

— Да что ж тут такого? Брат он и брат...

— А связь ты с ним поддерживаешь?

— Как вам сказать? Конечно, когда в городе бываю, захожу.

— Так. Все ясно. Знаем мы вашего брата!..

В тот же день Ивана Сидоровича исключили из партии за

связь с братом и послали телеграмму: «Ответ запрос сообщаем брат Комцова за связь исключен».

В парткоме только того и ждали. Телеграмма была зачитана, обсуждена, и Петра Сидоровича также исключили.

Петушков ходил по учреждению гордый:

— Я что говорил? Я стреляный воробей. Меня на мякине не проведешь. Я непроверенную личность всегда разгадаю. У меня взгляд такой...

Петр Сидорович Комцов очень тяжело переживал свое исключение. Он надумал поехать в район, чтобы толком узнать, в чем же дело и в чем провинился его брат Иван.

Приехал. В райкоме, в коридоре, на диванчике сидел Иван Сидорович Комцов.

— Ты? — завопил Петр Сидорович. — Ну, что же ты наделал?!

— А ты что?.. — перебивает его Иван.

— Позволь, позволь, меня же исключили из-за тебя?

— Нет, Петя, ты не волнуйся, но только это меня исключили из-за тебя!

— Как так?!

— А так...

Тут братья поговорили и очень скоро все выяснили.

Выслушав, инструктор только ахнул.

— Постойте, — говорит, — а откуда все дело началось?

— С Петушкова! — вспомнил Петр Сидорович. — Это Петушков сказал, что мой брат — презренный человек...

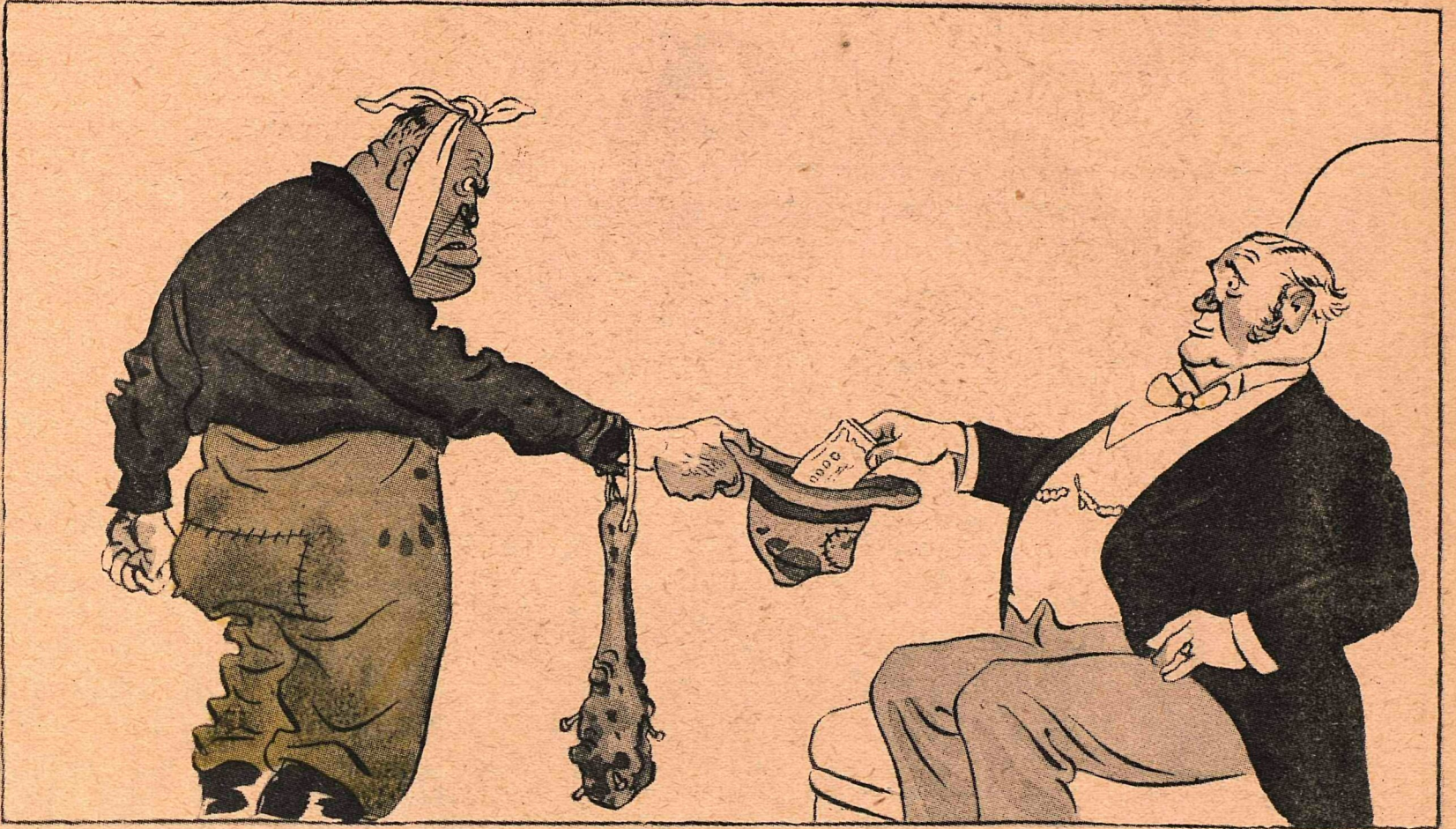
Стали тут проверять Петушкова и прямо за голову схватились.

Ну, тут всем все стало ясно. И даже Петушкову теперь ясно, что с ним сделают.

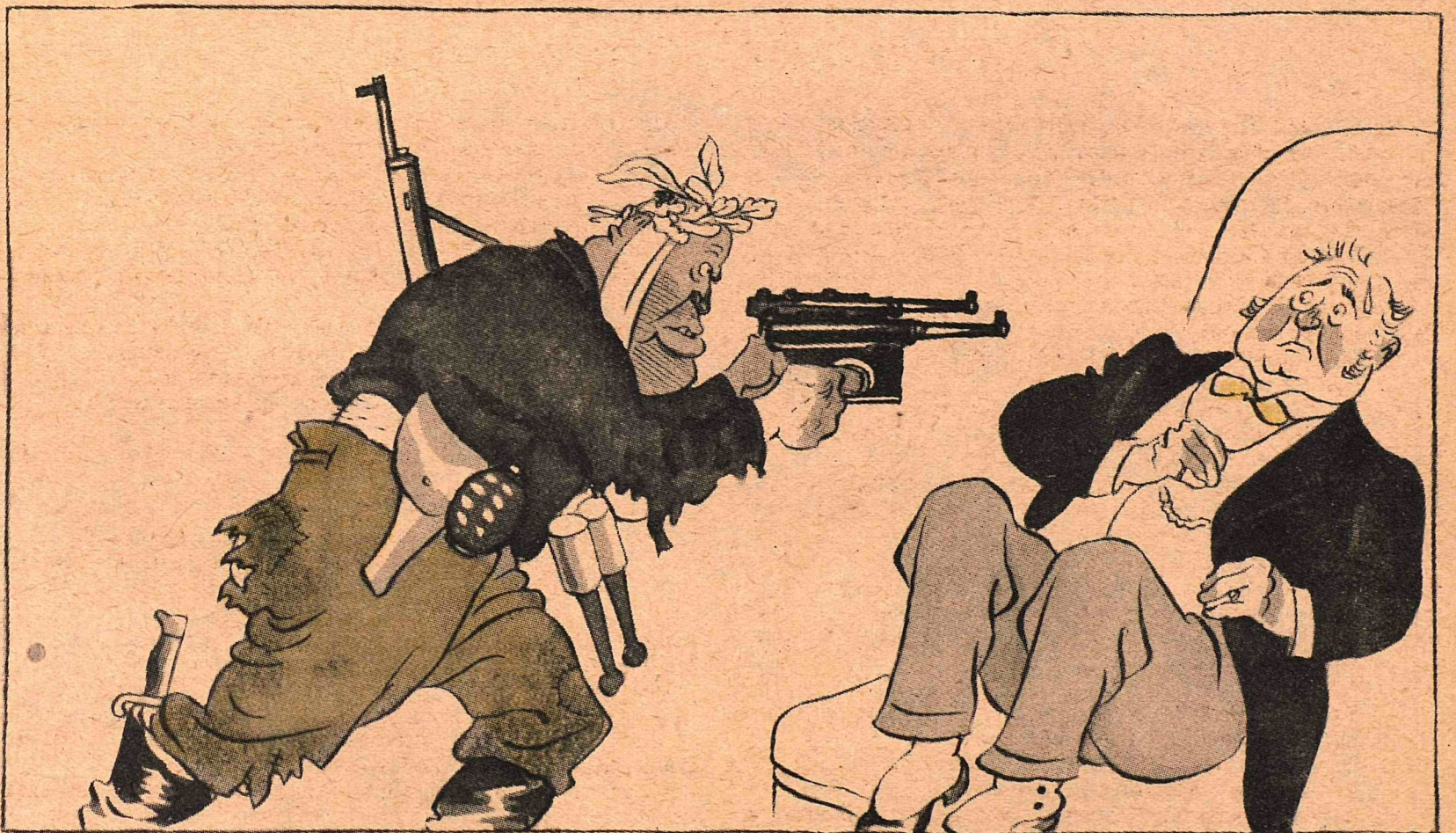
Е. ЕФРЕМОВ и Л. ИВИЧ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ФЛИРТ ЛОНДОН—РИМ или К ВОПРОСУ О
ПРЕДПОЛАГАЕМОМ АНГЛИЙСКОМ ЗАЙМЕ ИТАЛИИ

Рис. Бор. Ефимова

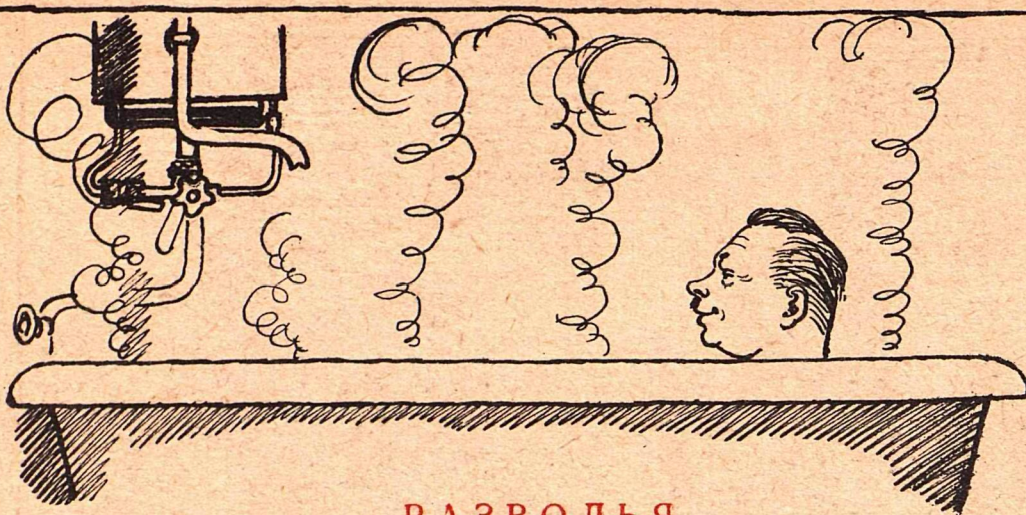
— Подайте, милорд, безделицу на обзаведеньице.

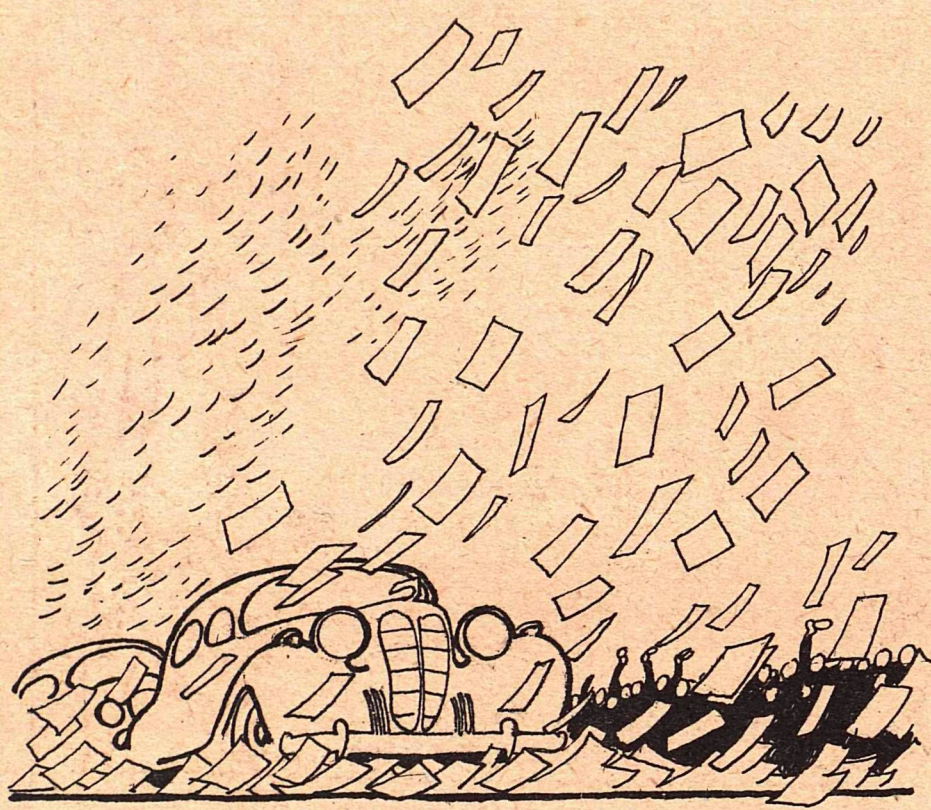
— Ну, вот я и обзавелся! А теперь — кошелек или жизнь!

Необходимое

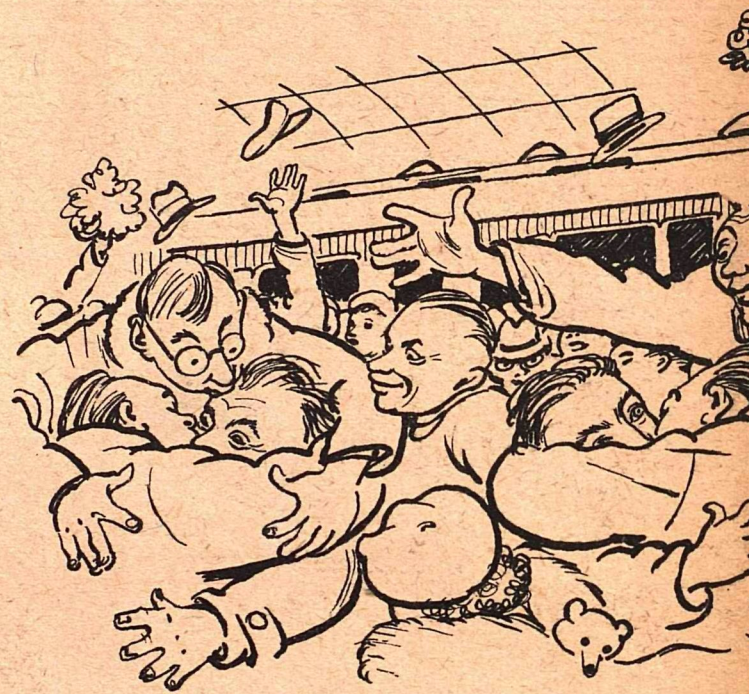
ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ ПАПАН
НА ВАШЕМ ПУТИ В МОСКВУ
ДЕТАЛЯХ ГЕРОИЧЕСКОГО ДР
СВЯТЫМ ДОЛГОМ ПРЕДУПРЕ
НОКРАТНО ПРЕД

РАЗВОДЬЯ

ПУРГУ И ПЛОХУЮ ВИДИМОСТЬ

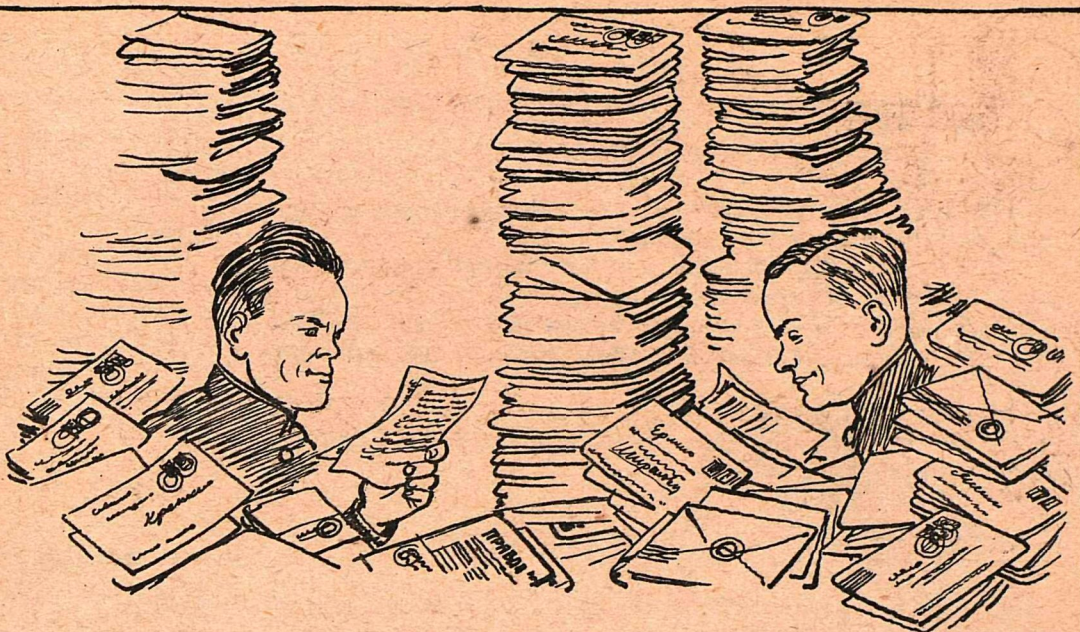
СИЛЬНЫЕ С

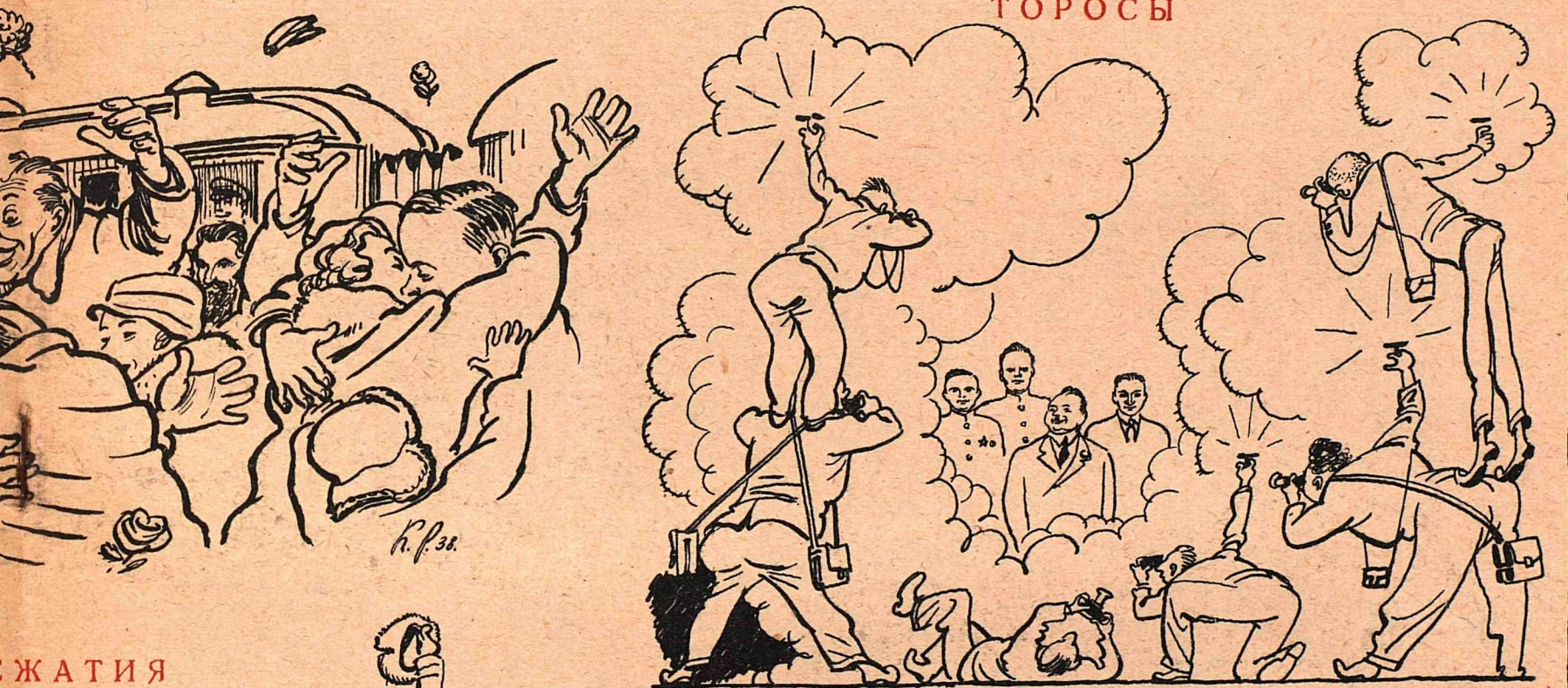
ОДНИМ СЛОВОМ, ДИ

Предупреждение

ИНЦЫ! ЕЩЕ ОЧЕНЬ МНОГОЕ
БУДЕТ ВАМ НАПОМИНАТЬ О
РЕЙФА. МЫ СЧИТАЕМ СВОИМ
ДУЖЕ, ЧТО ВАМ ЕЩЕ НЕОД-
ЖИДАТЕЛЬНО ИСПЫТАТЬ:

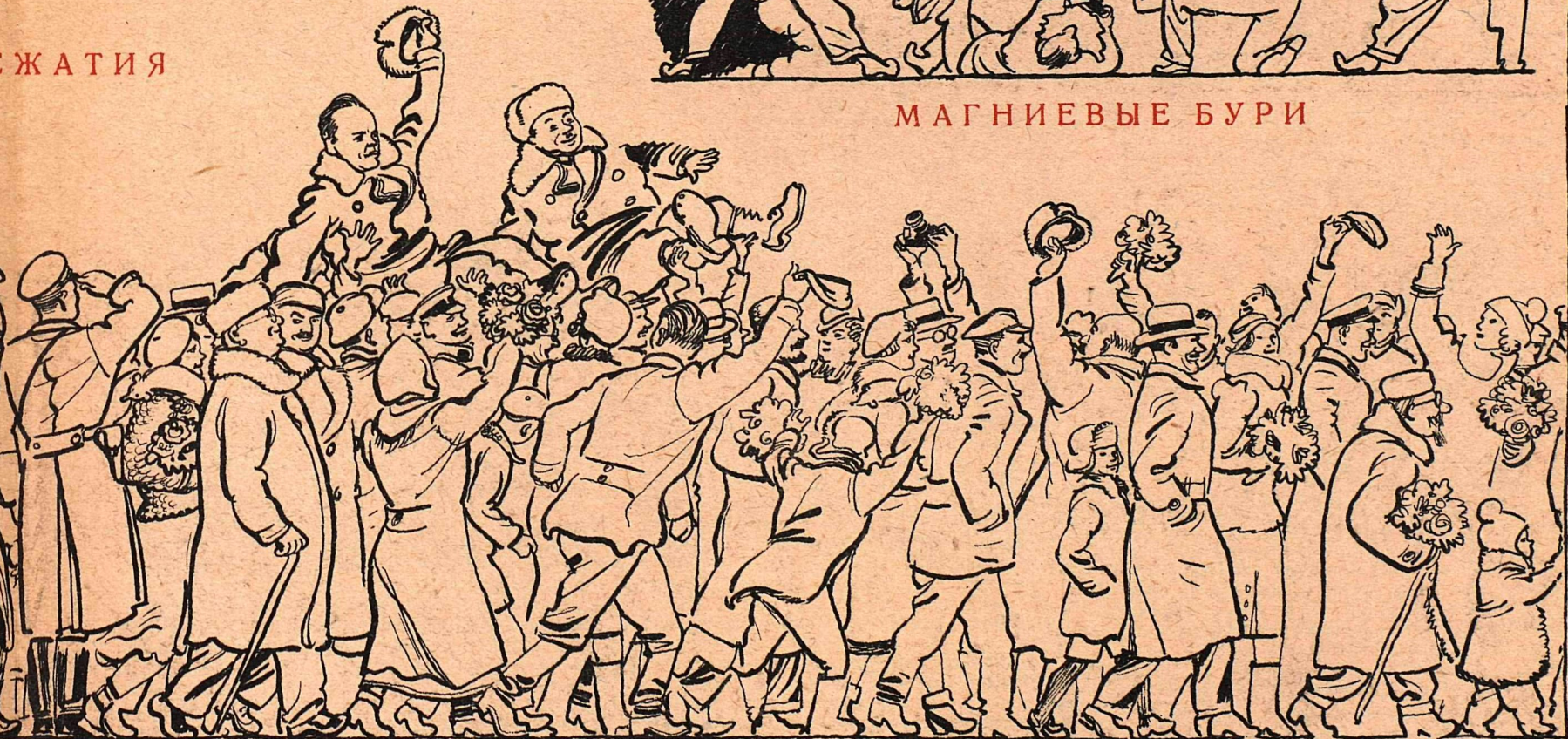

ГОРОСЫ

СЖАТИЯ

МАГНИЕВЫЕ БУРИ

РЕЙФ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Рис. Н. Ротова

Короткие рассказы

Старожилы

Сотрудник газеты приехал на эту железнодорожную станцию. Встретив дежурного, спросил:

— Кто бы мог рассказать о работе вашей станции? Кто у вас здесь на станции самый старожил?

— Да видите, начальник три месяца всего здесь, я — два. Впрочем, есть старожилы, да только вряд ли они чего расскажут.

— Почему?

— Да это ж вон цистерны, они восьмой месяц на этой станции торчат.

Бутафория

Даже режиссер возмутился. Он приказал вызвать заведующего бутафорным цехом. Тот явился.

— Послушайте, товарищ Семенов! Это что же такое за безобразие? Оказывается, стакан воды, который слуга подает в третьем действии, оценивается вами в 17 рублей 17 копеек.

— Так точно! 17 рублей 17 копеек, — согласился Семенов. — Уж такая постановка. Здесь копеечка, там копеечка — вот, глядишь, рубли собираются.

— Но ведь это абсурд! — горячился режиссер. — В стакане и воды нет, и стакан не настоящий.

— Конечно. Бутафория!

— Но если мы действительный стакан с водой, да что с водой, с шампанским будем подавать, — и то 17 рублей 17 копеек не будет он стоить.

— Может быть. Это же бутафория. Цех. Штаты. Постановка такая!

Вечером режиссер сидел дома и торговался с директором периферийного театра.

— Могу, могу. Приехать и поставить.

— А сколько?

Режиссер растопырил пальцы правой руки. Директор вздохнул:

— Дороговато. Хотя бы две тысячки, два пальчика загнули.

— Ни одного! Ведь это будет постановка настоящего, не бутафорского режиссера.

Разволновавшись, выпил стакан воды и сказал:

— Будете торговаться, еще тысячку накину. Это ж театр, это — искусство!.. За стакан воды у нас вот берут 17 рублей 17 копеек, а вы режиссера хотите за копейку нанять. Стыдитесь!..

Тон

У агронома сидели гости. Слушали по радио скрипку.

— Может, погромче сделать? — предложил агроном.

— Нет, нет! Мягкий голос скрипки. Вполне естественный голос.

Певица исполнила романс.

— Видите, как хорошо настроили радио, — сказал один из гостей, — и у певицы вполне естественный голос. Громче вовсе не требуется.

Через полчаса диктор объявил, что начинается радиоперекличка. Первым выступит председатель райисполкома и скажет о задачах земельных работников. Агроном решительно открыл на громкоговорителе гайку.

— Обождите! — сказали гости. — Это же будет сплошной рев!

— Да он обычным голосом с нами никогда и не говорит, — подтвердил агроном.

Из репродуктора неслась раскатистая октава:

— Бездельники, шарлатаны!.. Я буду привлекать!.. Я накручу хвосты!!!

— Да уж, — вздохнул один из гостей, — этот тон на скрипичный непохож...

В. ТОБОЛЯКОВ

Мировой рекорд

Репортер вечерней газеты Лютиков торопился. В два часа материал сдавался в набор. Времени оставалось катастрофически мало. Ответственный секретарь редакции заканчивал напутственную речь:

— Корпус пятый. Квартира пятая. Рыбаков Иван Егорович. Фрезеровщик. Знатный человек. Стахановец. Позавчера установил мировой рекорд. Две тысячи процентов нормы. Дочь парашютистка. Двести строк. Осталось два часа. Вопросов нет? Нет. Счастливого пути. До скорого свиданья. Машина внизу. Все.

Лютиков сказал: «Пока» — и исчез.

Через четверть часа он вошел в пятый корпус, поднялся на четвертый этаж и позвонил в пятую квартиру. Дверь открыл среднего роста мужчина в пальто и в кепке. Лютиков улыбнулся от радости:

— Здравствуйте! Еще бы один светофор, и вас бы не было дома. Вы собираетесь уходить? Минутку. Короткая беседа о рекорде — и вы свободны. Я репортер...

— Товарищ репортер, дело в том...

— Минуточку, минуточку... Станьте, пожалуйста, у окна!..

Лютиков вытащил «ФЭД», установил фокус и щелкнул затвором.

— Прекрасно. Давайте сядем...

Лютиков достал блокнот. Хозяин, видимо, очень скромный человек, испытывал неловкость. Он пожимал плечами и виновато улыбался. Лютиков начал интервью:

— Ваш производственный стаж.

— 15 лет... Товарищ репортер, я...

— Минуточку. Расскажите кратенько историю вашего позавчерашнего рекорда.

— Не позавчерашнего, а вчерашнего. Но дело в том...

— Минуточку. Как вы дали две тысячи процентов?

— Не две тысячи, а две тысячи сто.

— Замечательно. Думаете дальше увеличивать?

— Думаю. Товарищ репортер, я вам должен сказать...

— Минуточку. Ваш заработок?

— По-разному. Две-три тысячи.

— Блестяще. В театр ходите?

— А как же... Вот мы недавно вдвоем...

— Так. Что смотрели?

— Недавно «Анну Каренину».

— Понравилось?

— Очень. Особенно Хмелев.

— Совершенно верно. А теперь расскажите, пожалуйста, о вашей дочери.

Хозяин пожал плечами:

— Что ж о дочери. Дочь как дочь. Прыгает себе...

Лютиков потряс вечной ручкой:

— Прыгает. Это замечательно. Но она не себе прыгает. Она нам прыгает!

У хозяина приподнялись брови:

— Это — как нам.

Лютиков простер руки к потолку:

— Нам с вами, всей стране... Это же героизм!..

— Какой уж тут героизм... Товарищ репортер, вы, наверно...

— Минуточку. Нельзя ли сфотографировать вашу дочь?

— Пожалуйста, — и хозяин постучал в стенку:

— Тонечка, иди сюда...

Лютиков сделал строгое лицо и поправил галстук. Со скрипом открылась дверь, и на пороге появилась светловолосая голубоглазая Тоня. На вид ей можно было дать лет шесть.

Отец героической девушки улыбнулся:

— Тонечка, попрыгай для дяди...

Тоня достала из-за спины скакалочку и часто-часто запрыгала.

— Позвольте, — поразился Лютиков, — Иван Егорович...

— Я не Иван Егорыч, я Николай Сергеевич.

— Рыбаков?

— Нет. Гуров.

— Как Гуров!

— Да так, Гуров.

— А квартира?

— Квартира. Квартира, действительно, Рыбакова, друга моего. Зашел я к нему с дочкой, с сынишкой ваниным она играла...

А сам Ваня за покупками пошел.

— Пойдите, пойдите... А рекорд?

— Я и говорю: квартира Рыбакова, а рекорд мой.

— Мировой?

— Мировой.

— Как же так?

— А так. Ваня свой установил позавчера, а вчера я его и перекрыл по-приятельски...

Впрочем, вы не огорчайтесь. Деньков через десяток зайдете. С ним беседовать будете, перекроет он меня... Верно, Тонечка?

«Героическая девушка» засмеялась и снова по собственной инициативе прыгнула для дяди.

Лютиков попрощался и выбежал на лестницу. Когда он спускался вниз, навстречу ему поднимался в кабине лифта высокий плотный мужчина, увешенный покупками.

Рядом с ним стояла девушка. Лютиков выскочил из подъезда и, открыв дверцу машины, тихо и значительно сказал шоферу:

«Гони».

БОРИС ЛАСКИН

МАНИКЮР А ЛЯ ЛОРД ГАЛИФАКС

Рис. Ю. Ганфа

ЛОРД ГАЛИФАКС:— Не стесняйтесь, господин Гитлер. Британский лев согласен иметь ногти покороче.

МЫШЬЯК

Супруга Василия Степановича Копунова по сварливости и вспыльчивости занимала первое место не только в доме, но и во всем квартале. Поэтому, когда Копунов, вернувшись домой после работы, услышал от нее:

— К нам новые жильцы переехали. В угловую комнату. Несимпатичные. Сама говорит, что муж у нее — вроде врач. Врет, должно быть. Но я их на место поставлю...

Когда Копунов услышал это, он понял, что ссорой с новыми жильцами он обеспечен.

Через пятнадцать минут громкие вопли жены показали, что баталия в кухне уже началась. Не успел Копунов подосадовать на дурной характер супруги, как дверь в комнату распахнулась и Анна Федоровна прокричала еще из коридора:

— Вот! Вот оно! Пожалуйста! Говорила, что от этих Липкиных добра не ждать. Вот!

— От каких Липкиных? — спросил, морщась, Копунов.

— Да от новых жильцов. От Липкиных. Сама сейчас поставила свой стол на кухню, а наш столик подвинула вот настолько!..

И Анна Федоровна отмерила руками метра полтора.

— Вре-ошь?!

Копунов, рассердившись сразу и на жену и на соседей, ринулся на кухню. Здесь он пнул ногой новенький столик с чистой щекоткой и круглой шишечкой на верхнем ящике, потрозил кулаком новой жиличке, а когда явился невысокий и чернявый муж этой новой жилички, Липкин, то Копунов наговорил ему такого, что он спасовал и скрылся к себе в комнату, захвативши столик.

Победа была полная.

Победа, значит, была вечером, а утром, на работе, у Копунова внезапно разболелся зуб. Зуб вел себя по всем правилам зубного своего ехидства: сперва поныл, потом под влиянием горячего чая отпустил, притаился, а через полчаса опять ожил.

С трудом Копунов доплелся до ближайшей амбулатории. Как была произведена запись и регистрация, он не помнил. Опомнился только в кабинете врача.

Над Копуновым наклонилось небольшое чернявое лицо. Оно показало почему-то знакомым. Доктор сказал:

— Как же это вы так запускаете? Ай-ай-ай!..

И голос этот Копунов тоже как будто уже слышал. Впрочем, сейчас было не до этого...

— Ну, где у вас болит? Посмотрим, — ласково сказал доктор и, взяв в руки металлическую палочку, легонько ударил ею по одному зубу. — Больно?

— Ой-ой!.. Ы-ы-ы!.. — простонал Копунов.

— А этот? — и доктор ударил палочкою по второму зубу.

— Ой-о!.. Ой-ой-ой!.. У-у-у!..

— А этот?

— У-у-у-у-у!!!

Копунов с мольбой поглядел на доктора и вдруг признал его: в белом халате у зубо-врачебного кресла стоял новый жилец Липкин, которого Копунов вчера так нехорошо обругал и выгнал из кухни!

Копунов похолодел.

«Кончено!.. — подумал он. — Попался я... Теперь он мне пропишет!..

Переменив инструмент, доктор сказал:

— А ну, раскройте рот!.. Та-ак... Зубы разожмите... Сейчас мы тебе покажем!..

«Кому покажем? — горько подумал Копунов. — Зубу или мне?»

А уже в рот ему в'ехала страшная вертящаяся игла и врезалась в зуб. Копунов завыл как глухонемой. Он думал:

«Мерзавец!.. Вот мерзавец!.. Разве ему было так уж больно, когда я выкидывал его столик?.. Ведь то — столик, а то — мой собственный зуб!..»

— Полощите! — приказал недруг.

Полоская, Копунов искоса взглянул на маленького врача и вдруг почувствовал, что он его боится. Встать бы сейчас с кресла и объявить во всеуслышание: я у этого доктора лечиться не буду: он мне враг и вредитель. Он мне нарочно делает больно!..

Но что-то мешало. Не было нужной смелости. А вдруг не поверят, засмеют...

Липкин прикрикнул:

— Хватит полоскать. Откиньте голову повыше!.. Так!.. Рот, рот шире откройте!..

— Вву-ву-вой-вой-вой!.. — стонал Копунов, и в голове была уже такая мысль:

«Ладно, ладно!.. Тут ты хозяин. Зато приду я домой, не то что столик — всю обстановку тебе в щепки разнесу!..»

— Полощите!.. На сегодня — хватит. Придете ко мне послезавтра. Я вам такое лекарство положил, оно должно пролежать в зубе два дня.

— Какое лекарство? — машинально спросил Копунов.

— Мышьяк. — Сестра, просите следующего.

И доктор отошел к умывальнику, а Копунов поплелся домой. Растреванный зуб болел, пожалуй, еще больше.

— Доктора тоже, — ворчал он на улице. — Вредители-черти! Только личные счеты умеют сводить при помощи медицины... И чего он туда запихал?

Вспомнив ответ доктора: «мышьяк», — Копунов остановился как пораженный молнией. В зубе возникла такая боль, что, казалось, там что-то задребезжало.

— Мышьяк!.. Яд!.. Ах, боже мой!.. Отравили! Отравили меня враги мои!!

Качаясь, хватаясь руками за стены, воя от ужаса, Копунов направился прямо в милицию.

— Деж...дежурного мне! — прохрипел он у барьера в отделении милиции.

— Ну, я дежурный, — ответил подтянутый сержант, сидевший в фуражке.

— Вы?.. Товарищ дежурный, меня сейчас... меня отравили... Помираю!

— Кто отравил? Чем?

— Враги мои. Персональные мои враги... То-бишь, один враг... Отравил мышьяком...

— Мышьяком? — лицо у дежурного стало еще серьезнее.

Он вынул из ящика бумагу и быстро спросил:

— Много выкушали вы этого — мышьяку? И как давно?

Копунов пожал плечами:

— Да минут пятнадцать назад... А сколько, этого я вам не скажу. Ну, сколько может войти в один зуб?..

— В какой зуб?!

— В обыкновенный зуб. Вот...

И Копунов, разинув рот, стал пальцами отворачивать губу, чтобы виднее было, какой зуб.

— Вы что, гражданин, надсмехаться сюда пришли? Да?

— Почему надсмехаться? — робко пробормотал Копунов. — Я же говорю: в меня мышьяк ввели...

— Кто ввел?

— Один зубной врач. Он мой неприятель. Мы с ним поссорились на квартирной почве...

Сержант поднялся и официальным голосом произнес:

— Давайте покинем дежурную комнату, гражданин. Это если после каждого лекарства будут к нам ходить, работать не придется! Давайте освободим помещение!..

Красный от смущения, Копунов вышел на улицу. Там он наклонил голову набок и как бы прислушался к зубу. Странное дело: зуб перестал болеть.

Копунов наклонил голову на другой бок. Боли не было. Тогда, повеселев и приплясывая, ответственный исполнитель отправился домой.

Открывая дверь, Анна Федоровна Копунова сообщила мужу:

— Новые-то жильцы... Липкины... Сейчас ключ от чердака спрашивали. А я им: вот, говорю, видели ключ из трех пальцев?!

Копунов стукнул кулаком по двери и заорал:

— Дура!.. Сейчас отдать ключ! И если только посмеешь обидеть доктора или там его жену, работницу ихнюю... Уб-бью! Уб-бью!.. Доктор мне, может, жизнь спас, а ты... Уб-бью!!

Жена охнула и стала пятиться, как от привидения.

В. АРДОВ

НА ВОКЗАЛ ЗА БЕНЗИНОМ
— Гайда, тройка!..

Рис. Л. Бродаты

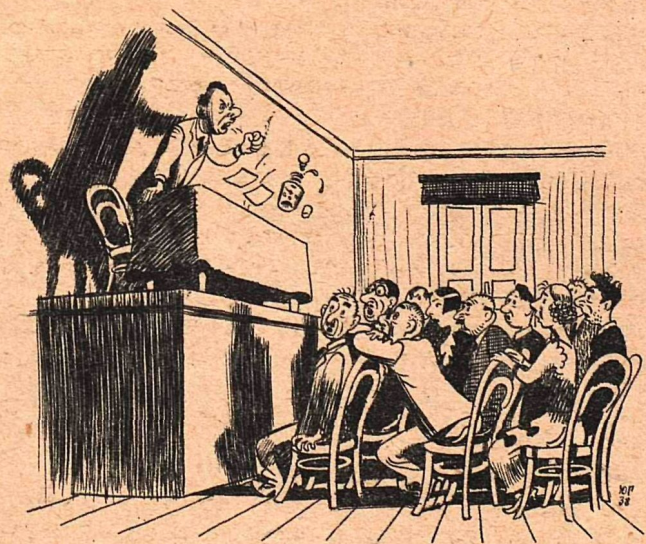

Рис. Ю. Ганфа

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НЕДОСТАТОК

— Скучный докладчик, а кулаком так стучит, что никак не уснешь.

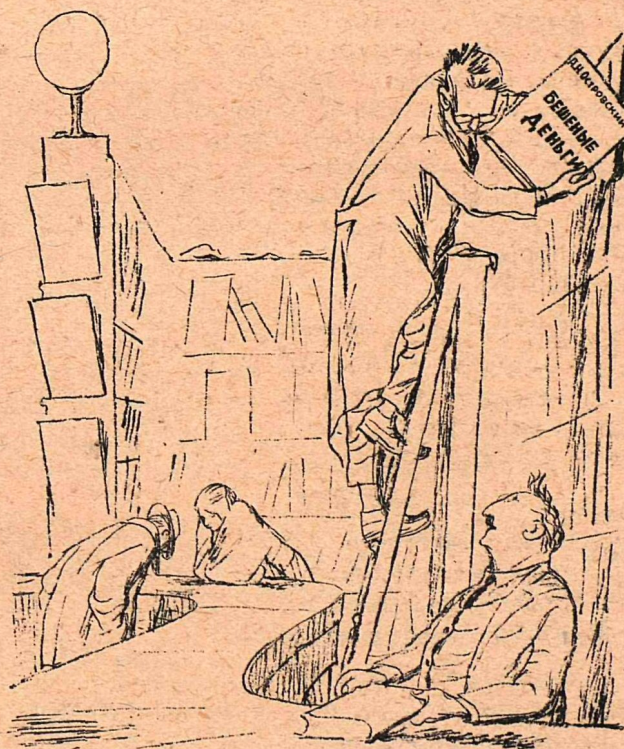

Рис. Л. Сойфертиса

НЕПОНЯТНОЕ НАЗВАНИЕ

ПРОДАВЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА (заведующему): — Василь Петрович, это что — название или цена?..

Дорогой Крокодил!

(П И С Ь М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Дорогой Крокодил!

У нас, в поселковом совете, с финансами дело обстоит неважно. В таком положении очень пригодилась бы нам помощь со стороны квалифицированного ответственного районного товарища. Взять, например, председателя райисполкома тов. Гваськова. Его прямой долг состоит в том, чтобы помочь нам в укреплении нашей финансовой базы. Что же касается другого его долга, то он не менее значителен: 808 рублей 40 копеек.

Для задолженности по квартирной плате немало!

Помоги, дорогой Крокодил, тов. Гваськову скорее выполнить свой долг ответственного работника и ответственного с'емщика.

Депутат поселкового совета пос. Узловая, Московско-Донбасской железной дороги

Н. ВОЛОДИН

Милый Крокодил!

В октябре прошлого года я вернулся из Красной Армии, познакомился с комсомолкой Ереминой, и через несколько месяцев мы поженились, «не предвидя от сею никаких последствий». А, между прочим, в нашем селе есть один комсомолец по фамилии Сасов, который как-то предлагал Ереминой свою руку и сердце, но получил отказ.

Об'ясни, пожалуйста, милый Крокодил, что мне будет за то, что Еремина вышла замуж за меня, а не за Сасова? Что касается Ереминой, то о ней вопрос стоял на заседании комсомольского комитета нашей МТС. Комитет вынес решение, утвержденное райкомом комсомола: «Отказ расписаться в загсе с Сасовым считать некомсомольским поступком, дать строгий выговор с предупреждением».

Заявляю чистосердечно: комсомольский комитет МТС и райком комсомола проявили в отношении меня самый гнилой либерализм: ведь это я толкнул бедную Еремину

на некомсомольский поступок. Вяжите меня, граждане!

Г. ЗОЛОТАРЕВ

с. Молчановка,
Николаевского района,
Сталинградской области.

Уважаемый Крокодил!

Недавно управляющему Курским областным отделом Когиза тов. Малонину пришла в голову мысль: «Как бы это без особых хлопот со своей стороны быстренько проверить свои кадры по периферии». Подумал он немножко и разослал всем райкомам ВКП(б) трафаретное письмо. В этом письме он просит сообщить мнение «о возможном политическом доверии нашему зав. раймагазину тов. и сообщить нам об этом».

Фамилию заведующего магазином тов. Малонин так и не удосужился проставить. Сообщил ему, пожалуйста, дорогой Крокодил, что заведующим обоянским районным магазином вот уже четыре года работает тов. Погребняк М. В., который ежегодно перевыполняет план товарооборота и мог бы претендовать на большую популярность среди руководящих работников областного Когиза.

Что же касается запроса, подписанного тов. Малониным, то ввиду того, что этот материал явно юмористический, я позволю себе ограничиться ответом на него только на твоих страницах.

Секретарь Обоянского райкома ВКП(б)

ОСИН

Тов. Крокодил!

Еще в октябре прошлого года в Москве закончился с'езд профессионального союза работников внешней торговли. Делегаты с'езда, в том числе и наш мурманский, разъехались по домам, а резолюцию им обещали выслать вслед через несколько дней. Прошло уже больше четырех месяцев,

а резолюции все еще нет. А делегатам строго-настрого было указано, чтобы они без резолюций с'езда не отчитывались перед своими избирателями.

Мы было подумали, что наш профсоюзный ЦК просто забыл про то, что существует такой город Мурманск, и запросил наш Ленинградский областной комитет. Но, оказывается, и там резолюции еще не получили.

Если учесть, что эти документы должны «лечь в основу работы профорганизации», то нам вот уже 4 месяца нечего класть в основу. Ну и положеньице, уважаемый Крокодил! Был с'езд — и как будто и не было с'езда.

А. ЧЕРНОУС

г. Мурманск

Товарищ Крокодил!

Мне как-то понадобилось узнать фамилию бойца пожарной стрелковой охраны Балахнинской картонной фабрики, поступившего на работу 4 февраля этого года. Я обратился в личный стол и получил оттуда загадочный документ с многочисленными резолюциями. Вот его текст:

«Тов. Розову. Прошу оформить на работу в ПСО рядовым бойцом».

Нач. охраны Соковец».

Начальник сектора кадров тов. Розов в левом углу написал: «Личный стол. Оформить ПСО бойцом».

Затем экономист по труду тов. Лебедева на этой же бумажке разъяснила, что «по штату можно оформить».

На обороте заместитель заведующего личным столом Комкова наложил энергичную резолюцию: «В баню». Тут же отметка: «Гор. баня. Проходил 3/II—38 г.».

А вот кого, собственно говоря, просили оформить на работу, кого послали в баню, кто был в бане, и, вообще, как же, наконец, фамилия того

человека, по поводу которого было надписано столько резолюций, — никто из авторов резолюций не знает.

В. КУДИМОВ.

г. Батахна,
Горьковской области.

Дорогой Крокодил!

Секретарь нашего райкома партии тов. Черченко очень любит произносить речи. Это еще полбеды. И не то даже плохо, что он любит произносить скучные речи. Печально то, что он любит заканчивать свои словоизлияния хлесткими, но далеко не всегда политически продуманными лозунгами. В августе прошлого года на районной конференции учителей он закончил свою трехчасовую речь призывом: «Единым фронтом на уничтожение религии и попов!» В январе этого года Черченко снова выступил перед учителями и закончил свою речь так:

«Молодые учителя, плюйте вы на бороды старых учителей. Нам нужны молодые, здоровые, полные сил учителя, а не старые».

Нам кажется, дорогой Крокодил, что нашей районной партийной организации нужен здоровый, полный сил и энергии и главное умный секретарь районного комитета партии.

Что касается Черченко, то как это ни прискорбно, но у него слова не расходятся с делом и он не известно кем данной ему властью почем зря снимает с работы старых учителей. Если он при этом не плюет им в бороды, то только потому, что эти учителя или бритые или лица женского пола.

Ю. СЕРЕЖНИКОВ

Добрянка
Черниговской области.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Культуртрегеры

В Куеде, Свердловской области, изобретено новое сильнодействующее средство для борьбы с невозвратом книг, взятых в библиотеке. Абоненты районной библиотеки получают напечатанные типографским способом извещения следующего содержания:

«Куединская райпрокуратура и Куединская районная библиотека предлагают вам сдать в трехдневный срок со дня получения настоящей повестки взятые вами из библиотеки и задержанные дольше установленного срока следующие книги... В случае неисполнения этого, вы будете привлечены к ответственности по ст. 168 Уг. кодекса с одновременным пред'явлением иска о возмещении библиотеке материального ущерба в десятикратном размере.

Райпрокурор

Зав. районной библиотекой».

Нет, не о таких прокурорах и библиотекарях мечтали лучшие умы человечества!

Жестокие нравы

В пермской газете «Звезда» недавно помещено ширококвещательное объявление:

«Колхозный рынок № 1
Большой зверинец.
Открыт с 10 час. утра до 6 час. вечера.
Сегодня кормление всех крупных хищников живыми кроликами.
Ровно в 2 часа дня.
Спешите видеть!!!
Экскурсантам скидка 50%».

Подумать только: экскурсантам 50% скидки! И еще, наверное, кроме того экскурсантов обслуживали квалифицированные экскурсоводы.

Экскурсия рисуется примерно в следующем виде: экскурсовод объясняет: «Вот сейчас вы видите, товарищи и граждане, как крупный хищник — волк — хватает обезумевшего от ужаса кролика и раздирает его на части. Из кролика льется красная жидкость. Это кровь. Другой кролик, видите, пытается спрятаться в уголке. Ха-ха-ха! Сейчас тебя, трусик, слопают! Вы слышите, граждане, как он кричит? Что? Это не он кричит? Это экскурсант кричит? Что? В обморок упал? Эй, там, носилки экскурсанту! Переходим к следующему крупному хищнику...»

Жестокие нравы, чрезвычайно глупые развлечения пропагандирует на своих страницах пермская газета «Звезда».

Райпсих удостоверяет

Наука — большая сила, когда она попадает в хорошие руки.

Что такое, например, психиатрия? Мягко выражаясь, это наука о нервнобольных. Обычный психиатр может определить, кто буйно помешан, кто тихо помешан, а кто вовсе не помешан.

Но доктор Недашев, заведующий единым диспансером Октябрьского района Киева, не довольствуется такой узкой специальностью. Об этом можно судить по следующей справке, выданной им, в качестве психиатра, некоему Винарскому.

«т. Винарский Евсей по состоянию своего здоровья и сознания не может быть использован никаким классовым врагом для своих целей.
т. Винарский остро реагирует на всякую несправедливость, стойкий непримиримый товарищ с очень хорошей рабочей установкой.
Райпсих Окт. р-на Недашев».

И тут же к подписи райпсиха печать приложена. Теперь мы можем быть вполне спокойны за Евсея Винарского: у него на руках медицинское удостоверение, свидетельствующее, что по состоянию здоровья он «непримиримый товарищ с очень хорошей рабочей установкой».

Но вот за доктора Недашева мы беспокоимся. Какое состояние здоровья требуется, чтоб сочинять такие справки?

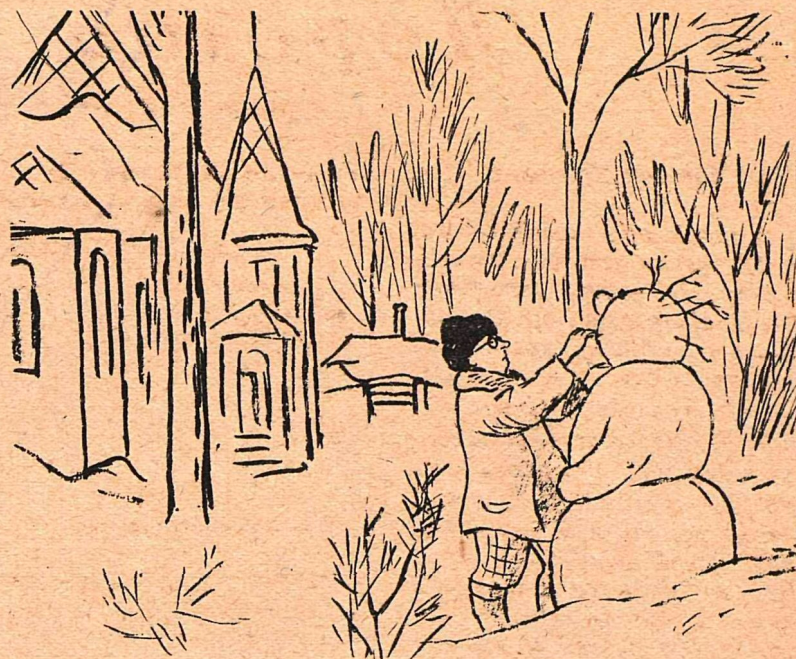

Рис. Л. Генча

НА ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДАЧЕ В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

КУРИЦА: — За пять лет хозяин мой высидел одну книгу, и ничего, живет себе неплохо. А попробовала бы я так нестись — он давно съел бы меня.

В Москву с отчетом

Из газеты «Чырвоное Верацяно», органа парткома и фабкома Могилевской фабрики искусственного волокна имени Куйбышева, мы узнаем:

«Для сдачи и обсуждения отчета о работе фабрики за 1937 год в Москву выехала группа ответственных работников и представителей общественных организаций фабрики: директор тов. Шевелев, зав. производством тов. Леванюк, инженер Егорова, секретарь парткома Кагановский, зам. председателя фабкома тов. Гельфанд, редактор газеты «Чырвоное Верацяно» тов. Зомов».

Интересно, поехали ли с ними кроме того местный духовой оркестр и клубные затейники?

Развлекаться — так развлекаться! Какая это увеселительная прогулка без оркестра и затейников?!

В № 5 «Крокодила», в заметке «500 штук папирос», вкрадась досадная опечатка. Вместо слова «командир» нужно читать «комендор».

Редакция: М. ИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 262

Сдача текста и рисунков 26/II 1938 г.

Подп. к печати 1/III 1938 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б-10480. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 498. Тираж 275 000 экз.

50

ДЕПУТ. ЗАКОНДАРЫ
 5 - МАР 1938
 Весс. Нн. Палат. Полючан

Получ. в ред.	7/10	9/14	12/14
Сделан в архиве			

Рис. Л. Бродаты

НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ ОБОЛЬЮСЬ...

- Вот моя анкета... Прочитайте.
- С удовольствием. Я очень люблю фантастическую литературу.